

“Я не могу поверить, что я действительно это делаю”.

Эрик ухмыльнулся собственной глупости, осмелившись выследить гигантских крыс в таком опасном городе, как этот, не имея ничего более важного, чем заостренная палка глубокой ночью. Он вздрогнул, когда холодный порыв ветра пронесся мимо него, узкие переулки Гилтон-сити были расположены как раз так, чтобы служить воронками для ветра. Эрик определенно чувствовал погоду сегодня вечером, несмотря на шерстяную шапку и толстую кожаную куртку, которые он носил. По крайней мере, его руки были защищены от холода, когда он тыкал копьём в особенно подозрительно выглядящую кучу мусора, благодаря толстым кожаным перчаткам.

Его нос сморщился от приторно-сладкого запаха разложения, когда он пробирался по заваленному мусором переулку, заполненному разорванными пакетами, подобранными отчаявшимися выжившими и добычей, на которую он охотился. Он не торопился и ступал осторожно, не имея ничего, что освещало бы его путь, кроме ярких звезд, сверкающих, как драгоценные камни, всеми цветами радуги над головой, которые наполнили бы более раннюю, более невинную версию его самого благоговением и восторгом.

До того, как наступил конец света.

Всего на мгновение Эрик задумался, на что было бы похоже, если бы небеса внезапно изменились без того, чтобы каждое электронное устройство по всему миру внезапно замкнуло, а каждое потенциальное химическое взрывчатое вещество мгновенно разрядилось. Выстрел, который был слышен по всему миру, временно оглушил почти всех, даже когда он разрушил значительную часть бесчисленных городов, мгновенно уничтожив все вооруженные силы и правоохранительные органы по всему миру.

Если и было хоть одно крошечное благословение, так это то, что мир не подвергся ядерному холокосту и что человечество не было опустошено утечкой вирусов из лабораторий биологических исследований по всему миру. По крайней мере, теперь, когда холодное хранение ушло в прошлое, все эти биологические образцы разложились, и передовые методы борьбы с микробами остались в прошлом. По крайней мере, Эрик горячо на это надеялся.

Единственной передовой технологией, оставшейся нетронутой, казалось, были радиоприемники AM crystal, в которых теперь доминируют пиратские станции и жокеи, быстро делающие себе имена, поскольку они связывали потрепанные нити общества гуманитарных наук воедино, несмотря на то, что их рассказы о том, что произошло, как с миром, так и с человечеством, становились все более ужасными.

Но чего Эрик никогда не забудет, так это того, как безупречные черты лица его матери застыли в неподвижности, а взгляд стал жестким в тот момент, когда в отеле, где он и его семья остановились, раздался оглушительно громкий треск. Треск, за которым секундой позже последовал нарастающий рев и грохот, когда одновременно взорвались все батареи, масляные баки и котельные в городе.

И все же в ее взгляде он увидел не страх. Это был гнев.

Изумрудно-зеленые глаза потрескивали от непреодолимой ярости, которая заставила его замереть на месте, совершенно не обращая внимания на телефон, который быстро нагрелся в его руке.

Конечно, то, как она мгновенно отреагировала, вырвав телефоны из рук обоих своих детей и

отбросив их в сторону, прежде чем они вспыхнули пламенем, было реакцией женщины, способной думать самостоятельно, в то время как другие постояльцы высококлассного отеля ошеломленно смотрели на своих братьев. В замешательстве. Те, кто не кричал, когда их пальцы были обожжены или их кошельки загорелись. Это было чудо, что все здание не было подожжено.

В отличие от своих ошеломленных детей, Аурелия уже бежала по коридорам для персонала, ее тренер и телохранители тащили Эрика и Элонию за собой, панические вопросы его сестры оставались без ответа, когда все они устремлялись все глубже в недра отеля, ни один персонал не осмеливался усомниться в серьезном взгляде Аурелии Сильвер, когда она Добежал до самого нижнего лестничного пролета, прежде чем раскрыть секреты, которые изменили абсолютно все для Эрика и его сестры.

Вот тогда-то он и услышал это, вырвавшись из тисков памяти.

Безошибочно узнаваемый писк крыс.

Его сердце учащенно забилось, когда он отважился свернуть в последний переулок, освещенный лишь несколькими рассеянными лучами лунного света.

Зная, что он был всего в нескольких футах от своей добычи.

Он ахнул, когда переулок, который он исследовал, разразился визгом, внезапно столкнувшись с тремя массивными грызунами, уставившимися на него злобно выглядящими резцами, которые практически светились в лунном свете, как и их красные глаза-бусинки.

Эрик быстро отпрыгнул назад. Волосы у него на затылке встали дыбом от враждебности, которую он увидел в их взглядах, и он не мог избавиться от внезапной уверенности, что это они преследовали его, стремясь уничтожить человека, которого они явно считали обедом.

Эрик быстро сменил хватку на рукояти своего оружия с броска сверху на сбалансированную стойку двумя руками, мгновенно почувствовав опасность. Он мог только молиться, чтобы все его часы практики под руководством серьезного инструктора его матери окупались сейчас.

Конечно, именно в этот момент его левой пятке удалось зацепиться и споткнуться о мусорный мешок, наполненный разлагающимся мусором, который теперь наполнял воздух вонью тухлых яиц, Эрика внезапно охватил душераздирающий ужас неминуемой смерти, когда трио гигантских крыс восприняло это как сигнал к нападению.

“Отпрыгни назад, сделай выпад и верни свое копьё в охрану короны, мальчик!”

Слова его тренера Винсента прозвучали в его черепе так же громко, как и во время утреннего спарринга, когда Эрик сделал выпад копьём, каким-то чудом попав в цель и с удивительной легкостью пронзив бок ближайшей крысы, прежде чем отпрыгнуть назад и выдернуть оружие, разбрызгивая кровь.

Визжащие крысы бросились на него тогда, их потребность пробираться через кучи мусора - все это дало ему хотя бы секунду, чтобы поднять свое копьё высоко над головой, когда он отчаянно отшатнулся от злобно выглядящих зубов, которые прорезали бы его джинсы, как папиросную бумагу.

“Никогда не забывай, что твое копьё - это всего лишь древко с острым концом. Когда ты сражаешься с паразитами, ничто не сравнится с дубинкой!”

Звук яростного визга был перемежен треском, когда Эрик ударил своей секирой по спине второй крысы, вызвав яростный визг, когда тварь рухнула, и, конечно же, в этот момент третья и последняя крыса подпрыгнула в воздух, злобные клыки разорвали кожаную куртку Эрика и джинсовую рубашку. внизу, когда он отчаянно уворачивался, вырывая руку из хватки гигантской крысы и подавляя проклятие от внезапной вспышки боли.

Но он все еще мог держать свое копьё, и это было все, что имело значение, воздух свистел, когда он размахивал древком своего оружия в мощном ударе сверху, который с ошеломляющей силой врезался в череп последнего грызуна. Ни в коем случае не смертельно, но это дало Эрику драгоценные секунды, необходимые ему, чтобы отпрыгнуть назад, прежде чем несколько раз вонзить копьё в бок своего потенциального палача, пока его визги не стихли, и он определенно был мертв.

Затем Эрик развернулся как раз вовремя, чтобы встретиться с горячим красным взглядом первой крысы, которую он ударил дубинкой, снова выпрямившейся, несмотря на то, что ее голова странно наклонялась, когда она чирикала и неуклюже продвигалась вперед, малиновые глаза горели диким безумием, Эрик молился, чтобы оно не было заразным, когда он вонзил острие копья в горло злобного существа. Крыса размером с питбуля брыкалась и извивалась с такой силой, что ей действительно удалось вырвать копьё из рук Эрика, прежде чем оно, наконец, замерло.

В этот момент Эрик рухнул задыхающейся кучей, хватая ртом воздух и пытаясь не блевать от ужасной вони крови, потрохов и гнилого мусора.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он снова поднялся на ноги, используя свое копьё как трость, чтобы помочь себе выпрямиться, прежде чем быстро проверить рукоять своего оружия, с облегчением увидев, что ясеновое дерево замечательно выдержало насилие.

Всего на секунду его охватило неистовое чувство выполненного долга.

Он действительно сделал это! Убил трех явно разумных монстров-убийц в центре города оружием, так похожим на то, с которым он больше года тренировался, и все это ради фильма, который никогда не увидит свет.

Самая дальняя вещь от механического арбалета, используемого на расстоянии, он обагрился кровью в бою с оружием, которое держал в своих двух все еще трясущихся руках.

И он совершенно определенно боролся за свою жизнь.

Но он был достаточно умен, чтобы сопротивляться желанию издать какой-нибудь победный клич альфы.

Потому что в этом городе он все еще был муравьем среди буквальных гигантов, а массивные, кровожадные крысы были наименьшим из монстров, которые теперь бродили по улицам города.

Единственная причина, по которой он отважился на это безумие в первую очередь.

“Ты уверен, что хочешь это сделать, Эрик?”

Он поморщился при воспоминании о встревоженном лице Элонии менее часа назад, когда их обычная практика охоты на гораздо меньших канализационных крыс с арбалетами превратилась в непреодолимую потребность охотиться на гораздо более крупных существ, обитающих на поверхности. И Эрик был полон решимости сделать это, используя только нож и копье.

Взгляд, которым одарила его сестра-близнец, был бесценен, с точно таким же раздраженным выражением, которое было у нее на большом экране во множестве фильмов о подростках-сердцеедах, которые больше никогда не будут показывать ни в одном кинотеатре.

Тем не менее, она поддержала, на удивление, когда Эрик объяснил, почему он так отчаянно хотел успешной охоты.

“Хорошо. Имеет смысл. Особенно, если со временем они становятся все больше и смертоноснее. Но пока ты будешь это делать, я буду наблюдать за входом в переполненный зал. Если это слишком тяжело для тебя, просто беги назад так быстро, как только сможешь, и крикни мне”. Она с ухмылкой похлопала по своему двуствольному арбалету. “Я пристрелю любую крупную крысу вовремя, чтобы спасти твою тупую задницу, и тогда мы уйдем отсюда”.

“Элония, тебе не обязательно меня ждать”.

Глаза его сестры блеснули при этих словах. “Что, и упустить шанс на короткий перекур с ветерком, убедившись, что дорогая мама не заметит этого, прежде чем я смогу принять душ?” Ее ошеломленный взгляд стал жестче. “Ни за что на свете я не позволю тебе делать это одному, вообще без какой-либо поддержки, брат”. Взгляд, которым она одарила его, одновременно завораживающий и чертовски пугающий, совсем как у их матери, подавил любые дальнейшие слова протеста.

“Хорошо. Просто пообещай мне, что, если на твоём пути возникнут какие-либо проблемы, ты бросишься обратно в туннель для отвода воды и закроешь за собой ворота. Я всегда могу воспользоваться одним из других входов на поле”.

Черты лица Элонии сразу же смягчились в улыбке, несколько ее золотисто-светлых локонов выбились из-под шерстяной шапочки, которую она носила. “Не волнуйся, братан. Ни одна гигантская городская крыса и близко не подойдет ко мне с моими духами, так что я буду в порядке, как дождь”.

Эрик рассмеялся над этим. “Потому что ноздри моей сестры слишком чувствительны к запахам канализации, даже если это скорее серия ливневых стоков, чем что-либо еще”.

“Это, а также аромат собственного бренда мамы означают, что она не читает мне бесконечные лекции о том, как по-идиотски относиться к своему здоровью после гребаного конца света, даже если я выкуриваю всего две сигареты в день. Кроме того, так будет лучше. Мы можем стрелять в канализационных крыс с близкого расстояния из арбалетов так же хорошо, как раньше охотились с нашими 0,22 с. И они шарахаются от запаха, прежде чем подойти слишком близко, что делает нас в большей безопасности. Но что касается здешних крыс”монстров... - Ее

взгляд стал затравленным. “Я бы предпочел, чтобы они и близко ко мне не подходили. Но мы оба знаем, что я стреляю лучше тебя, так что, если ты прибежишь с грызунами, кусающими тебя за задницу, я позабочусь о том, чтобы ты был дома свободным... даже если я буду смеяться над этим до конца дней. Что, давайте будем честны, вероятно, не так уж далеко.”

Эрик ухмыльнулся, вспомнив прощальную ухмылку своей сестры, просто зная, что она будет мучить его несколько дней, как только увидит его рану и узнает, как опасно близко он подошел к тому, чтобы расстаться с собственной жизнью. Затем его улыбка сменилась гримасой, когда болезненно пульсирующая рука дала понять, что у него есть неотложные дела.

Затем он замер, осознав, каким дураком он был, просто стоя посреди переулка над свежими убийствами.

Похолодев от внезапного ощущения, что кто-то наблюдает за ним, Эрик быстро отпрянул от забрызганного кровью мусора, где он только что закончил бороться за свою жизнь, даже если это означало совершить смертный грех - оставить свои жертвы там, где они лежали. Он изо всех сил старался не обращать внимания на пульсирующую боль в руке, крадучись по ближайшему переулку так быстро, как только мог. К счастью, его ботинки с кожаной подкладкой позволяли легко тихо красться по узким переулкам, к счастью, свободным от мусорных куч, которые могли скрывать любое количество отвратительных секретов, Эрик быстро дистанцировался от вида такого большого шума и крови.

И действительно, меньше чем через минуту он услышал звуки сердито щебечущих крыс, возвращающихся тем путем, которым он пришел. И он не сомневался, что новая стая хищных паразитов скоро одичает от необходимости охотиться на того, кто их преследует... как только они закончили пожирать останки своих сородичей.

Эрик заставил себя остановиться после того, как быстро осмотрел местность, не увидев никаких признаков крыс, устроивших засаду, или хищников двуногой разновидности, будь то отчаявшиеся выжившие или еще более худшие существа.

Только тогда он осмелился снять свою частично изорванную куртку и пару рубашек, которые были надеты под ней. К его большому облегчению, раны, которые он получил, были неглубокими, зубы просто царапали его плоть, в отличие от того, чтобы вонзаться с силой, сокрушающей кости. Он вздрогнул, вспомнив, какими большими были эти массивные резцы, прежде чем поспешно открыть поясную сумку, пристегнутую к его поясу, в которой лежала пригоршня средств первой помощи и выживания, без которых было бы глупо обойтись.

Он использовал спиртовые тампоны, чтобы очистить раны так быстро и тщательно, как только мог, почти радуясь внезапной жгучей боли, которая вернула его в фокус и рассеяла дрожь, которую он чувствовал, прежде чем наложить марлю и бинт и снова перевязать себя, а затем, насколько это было возможно, смыть брызги крови от грызунов и своих собственных травм. он мог бы.

“Моя первая настоящая охота. Будем надеяться, что этого было достаточно”.

Эрик подавил дрожь, никогда не чувствуя себя более незащищенным и уязвимым, чем сейчас, когда он быстро направился обратно туда, где его ждала сестра, не сомневаясь, что ей так же не терпелось выбраться отсюда и вернуться в подземный бункер их семьи, их убежище в город сошел с ума, как и он сам.

Он не смог полностью скрыть улыбку облегчения, увидев знакомый переулочек, который вел к забытому входу в ливневую канализацию, тщательно скрытому под заклинившим задним

грузовым контейнером с частично фальшивым дном, который оставался нетронутым никем, кроме них самих. Конечно, запертый на висячий замок вход сразу за ним послужил еще одним сдерживающим фактором, который, к счастью, остался невредимым.

Все, что ему теперь нужно было сделать, это пересечь единственную улицу, заставленную машинами, с рядами домов по обе стороны, цветочными клумбами, теперь заросшими пышной растительностью, состоящей из некогда тщательно ухоженных цветов и густых сорняков. Эрик был уверен, что днем это прекрасное зрелище, но они с сестрой осмеливались выходить на поверхность только ночью, с арбалетами наготове, и гораздо меньше времени, чем он потратил на охоту этим вечером.

Его внутренности сжались от внезапного чувства вины, зная, что его сестра терпеливо ждала его, и что он отсутствовал гораздо дольше, чем обещал, так отчаянно желая совершить свое первое убийство копьем или любым другим оружием, связывающим его с целью.

Потому что, если Четыре Собаки и другие жокеи АМ были правы, это был его лучший шанс выжить в капсулах.

Он вздрогнул, на мгновение нахлынули воспоминания об ужасном инопланетном растении, которое они с сестрой заметили в центре городского парка всего несколько дней назад. Растительная мерзость, которая могла открывать свой хобот, как рот, и сгибать свои древесные конечности почти так же хорошо, как любое наземное млекопитающее. Эрик съезжился, вспомнив брыкающихся и кричащих пленников, которых загнали в пульсирующую древесную мерзость массивные часовые-гуманоиды, одетые в кольчуги, с мушкетами со штыками, которые они использовали как копья, пронзая своих жертв, когда их заставляли войти в эту дрожащую растительную пасть.

Раса инопланетных захватчиков, которые на самом деле выглядели как нечто среднее между гориллой, человеком и огромной свиньей, со всей ненавистью, злобой и глупостью, которые только можно себе представить. И они на самом деле называли себя орками. Потому что, конечно, они это сделали. Хотя они были гораздо более могущественны, чем пушечное мясо, так часто описываемое в его любимых историях исекая, когда он действительно читал эти вещи для развлечения. К сожалению, ничто так не показывало, как далеко пало человечество, как тот уродливый факт, что потребовалось менее тысячи таких чудовищ, чтобы захватить и подчинить себе целый город.

Конечно, был смысл в том, что эти орки запикивали своих пленников в эту отвратительную растительную пасть. Превращение несчастных людей в настоящих первоклассников. Полезные инструменты для фракции орков, по мнению АМ Jockeys.

“10% выживаемости - это чушь собачья. Ни один из них не вышел ничем иным, как мутировавшей мерзостью!” - пробормотал Эрик себе под нос, слишком отчетливо вспоминая самую ужасную ночь в своей жизни: он и его сестра, застывшие от страха, наблюдали за кошмарной бойней из остатков жилого дома, который выходил окнами на квартал, заполненный пленниками, орками, инопланетными чудовищами и ямой для запекания, где свиные захватчики выбросил бы растительные останки любого, кто не пережил трансформацию, прежде чем пожирать их с явным удовольствием.

И, насколько Эрик мог определить, это были все до единого из них.

Не имело значения, что фактические цифры, сообщенные нескольким пиратским радиостанциям, ясно давали понять, что выжившие были, и да, люди действительно могли

трансформироваться, эволюционировать и становиться сильнее благодаря силе своих убийств, совсем как персонажи в любимых ролевых играх Эрика. Все, что имело значение, это то, что там был абсолютно абсурдный уровень смертности в 90%, и что все, кто выжил в капсулах, были либо бывшими заключенными, охотниками, бывшими военными, либо работали на ферме, где они регулярно забивали скот. Потому что единственное, что объединяло всех опрошенных выживших, было то, что они уничтожали разумную жизнь до того, как эволюционировали, и они сделали это с помощью низкотехнологичного оружия, где генерируемая сила была их собственной. Точно так же, как Эрик сделал в ту самую ночь.

Эрик отчаянно стряхивал с себя ужасные воспоминания, которые всегда оставались, если он постоянно не искал отвлечения.

Вот тогда-то он и почувствовал это

Ужасное скручивающее ощущение в животе, просто осознание того, что что-то было не так.

Он не осмелился усомниться в этом, быстро развернувшись с копьём наготове, когда услышал отдаленный крик и грохот, его паранойя усилилась, он вглядывался в темный переулок позади себя в поисках любого крадущегося присутствия.

Но там ничего не было. Никто не смотрел в его сторону во мраке, когда он изо всех сил старался одеваться в темные цвета, а стальной наконечник его копья был выкрашен в черный цвет, чтобы свет не отражался от его острого, как бритва, края. Конечно, даже если бы его заметили, человек с семифутовым копьём был угрозой, которой лучше избегать, по крайней мере, для таких же мусорщиков нулевого уровня, как он сам.

Он не мог удержаться от улыбки облегчения, когда наконец вернулся на знакомую территорию, убежище теперь находилось всего в одном переулке отсюда.

Именно тогда он замер, страстное желание поскорее окунуться в тепло и безопасность их скрытого бункера сменилось неприятным чувством страха в животе.

Потому что девушка, которая должна была смотреть в его сторону с поздравительной улыбкой, держа арбалет наготове, чтобы устранить любую угрозу, которая могла преследовать его задницу, исчезла.

Не было вообще никаких признаков Элони.

И это было бы не так плохо, если бы она оставила один из трех лоскутов ткани, прикрепленных к гвоздю у входа в переулок, который дал бы ему знать, что она отступила обратно к ливневой канализации и бункеру, наблюдала за окрестностями из укрытия поблизости или просто заботилась об основных предметах первой необходимости.

Но не было оставлено ни тряпок для игры в кости, ни каких-либо наспех нацарапанных мелом символов на стенах из коричневого камня в коде, который они оба придумали в детстве, как часто делают близнецы.

Там вообще ничего не было

Что означало, что его сестру похитили.

Или просто убили

Его сердце подпрыгнуло в груди, захлестнутое волнами ярости, ужаса и самообвинения, прежде чем он взял себя в руки и сделал медленный, успокаивающий вдох.

Паника ни к чему его не приведет.

Что ему нужно было сделать сейчас, так это поискать какие-либо подсказки или доказательства того, что могло случиться с его близнецом, и, возможно, помолиться тому богу, который повелел инопланетной конфигурации звезд над головой, что его сестра просто забыла оставить флаг.

Всем сердцем он молился, чтобы это было что-то такое же обыденное, как пробежки, и как ему понравится дразнить ее по этому поводу позже. Может быть, достаточно, чтобы заставить ее пообещать не рассказывать солдату в бункере, как близко он был к тому, чтобы пнуть ведро, используя предплечье, чтобы парировать зубы, предназначенные для его горла.

Но, несмотря на свою отчаянную надежду, он был не настолько глуп, чтобы броситься в атаку вслепую, хотя это было все, что он мог сделать, чтобы не поддаться желанию просто помчаться через залитую звездным светом улицу. Он сдерживал этот растущий импульс в течение долгих секунд, глаза горели тревогой, вглядываясь в дальний переулок так пристально, как только мог. Ищу что-то. Что-нибудь.

И все же он не увидел вообще ничего примечательного. Никаких признаков того, что лицо его сестры сморщилось, когда она справлялась с судорогами в глубине переулка. Он не увидел ни следов крови у входа в переулок, ни каких-либо предметов одежды. Никакого распостертого тела или останков, которые могли бы быть — не думайте об этом. Не надо!

Беглый осмотр дальнего переулка не выявил ничего предосудительного, что он мог бы заметить, за исключением болезненного отсутствия его сестры. Поэтому он быстро метнулся вперед, чтобы спрятаться за одной из многочисленных припаркованных машин у тротуара обсаженной деревьями улицы, которая никогда больше не начнется.

Необходимое укрытие, когда он в последний раз внимательно осмотрел дальний переулок, прежде чем вздохнуть и покачать головой, молясь, чтобы его сестра поумнела и просто ушла домой, обрывки тряпья - вещь ненадежная на этом порывистом ветру, и ему лучше самому вернуть свою задницу, если он не хочет, чтобы его мать, чтобы—

Там!

Движение!

Тревога заставила его застыть на месте, когда встревоженные глаза вглядывались во мрак, не видя ничего, кроме теней во тьме, пока беспокойное движение не превратилось в силуэты пары крепких мужчин с бейсбольными битами, небрежно прижатыми к плечам.

И вообще никаких признаков его сестры.

Его сердце подпрыгнуло в груди, когда отчаянные глаза продолжали вглядываться в темноту.

Может быть, это была просто пара мусорщиков, проверявших переулок.

Без сомнения, его сестра заметила их и быстро юркнула обратно через фальшивое дно мусорного контейнера. Насколько Эрику было известно, не было времени повесить какой-либо незаметный флажок, указывающий на местонахождение и намерения. Все, что имело значение для него в тот момент, - это то, что она была в безопасности.

Он начал шептать горячие молитвы о том, чтобы это было так, даже когда его руки до боли сильно сжали древко копья, безмолвно крича, чтобы пара падальщиков ушла.

Тем не менее, они остались там, где были, один даже зашел так далеко, что высунул голову на улицу, демонстрируя изможденные черты лица и всклокоченную бороду, когда мужчина лениво размахивал битой, оглядывая оба конца обсаженного деревьями бульвара, прежде чем неторопливо вернуться к своему теневому партнеру.

“Есть там кто-нибудь?”

Эрик вздрогнул при звуке хриплого от виски голоса дальше в переулке.

“Не-а, чувак. Ни хрена не происходит и не уходит. Я же говорил тебе, что она была одноразовой. Просто глупая сучка, думающая, что ее арбалет делает ее кем угодно, только не заносчивой пиздой.” Тощая борода покачал головой. “Теперь у Аарона ранение в живот, а у нас нет гребаных врачей, так что этому дураку все равно придется рисковать капсулами. А Фил и остальные получают награду, потому что ты жадный ублюдок, думающий, что какой-нибудь другой неудачник действительно появится в этот час”.

Затем были сказаны другие слова, но Эрик ничего не мог расслышать из-за грохота собственного колотящегося сердца, когда его худший гребаный кошмар стал явью.

Его сестру-близняшку, которую он любил так же сильно, как свою собственную жизнь, забрали эти подлые монстры, потому что он был настолько упрям и жаден, что бросился на свои глупые поиски, и она отказалась отпустить его, не будучи рядом, чтобы прикрыть его шестерых, на случай, если у него будет течка у него на хвосте. Оба они настолько глупы, что рассчитывают на духи, которые могли бы раздражать крыс, но привлекли бы внимание только таких проходимцев, как эти.

Если бы он только вернулся на несколько минут раньше... если бы он не потрудился выследить ту последнюю стаю крыс... это было все, что он мог сделать, чтобы не закричать, когда он мчался через улицу, мягкие кожаные подошвы его ботинок, которые были так чертовски удобны в охоте на крыс, окупались в последний раз, поскольку Тощая борода был так занят, ругаясь со своим партнером, что даже не подумал обернуться, пока Эрик закончил перебежать улицу.

Но к тому времени было уже слишком поздно.

Крик Эрика был тихим, спроецированным в ярости его удара, когда он врезался в ближайшего работягу со всей силой и яростью, которые он мог генерировать, его наконечник копья возглавлял атаку.

Тем не менее, это застало врасплох даже его, то, как легко его оружие вонзилось в грудь

мужчины, Эрик фактически врезался прямо в спину своего противника и сбил его с ног после того, как полностью пронзил его насквозь, его поверженный враг теперь разбрызгивал повсюду горячую кровь.

Вторая фигура покачнулась от удивления.

"Что за ху-"

Эрик не колебался, ужас от своих собственных действий, ужас за свою сестру и слепая ярость к придуркам, которые смеялись над похищением его сестры, как ни в чем не бывало, двигали его вперед, уроки Винсента - единственное, что имело смысл, поскольку остальная часть его разума была вихрем горя, ярости, и отчаянная потребность убивать.

"Фехтование - это хорошо, Эрик. Но если ты когда-нибудь ввяжешься в настоящую драку, тебе нужно захватить Вор! Захватите инициативу, застигните своих врагов врасплох и бейте по ним всем, что у вас есть, пока не останетесь последним на ногах. Потому что навыки фехтования ни хрена не значат, если ты можешь приблизиться и убить прежде, чем у твоих противников даже появится шанс сориентироваться, не говоря уже о том, чтобы обнажить свои клинки!"

Он не осмелился потерять ни секунды, отказавшись от своего теперь застрявшего копья, чтобы плечом проверить плосконогого дурака с битой, все еще прижатой к плечу, глядя на светловолосого юношу, который теперь врезался в него с широко раскрытыми глазами, не веря своим глазам, когда Эрик ударил ошеломленного мудака всем, что у него было.

Потому что, даже если он ни черта не смыслил в боксе, кроме мощного правого хука, который хорошо смотрелся на камеру, он знал, что, когда у твоего противника бита у плеча, ты сокращаешь дистанцию и попадаешь прямо ему в лицо так быстро, как только можешь, не оставляя ему места для замаха. Предпочтительно, колотя противника по ребрам и лицу так, как будто от этого зависит ваша жизнь. Потому что так оно и было.

Несмотря на то, что недоверие его противника длилось всего секунду, мужчина теперь неуклюже отступал и ревел, что убьет Эрика, когда он пытался увеличить расстояние между ними, Эрик продолжал давить прямо на мужчину, плечом впечатывая его в кирпичную стену переулка, направляя свою ярость на избиение своего противника. Ударил по ребрам так сильно, как только мог, прежде чем мужчина, наконец, опустил биту. И все же, несмотря на то, что торговец мясом был застигнут врасплох, ему все же удалось так сильно ударить Эрика по лицу и ушам, что у него посыпались звезды.

Но отчаявшийся, разъяренный Эрик не чувствовал ничего, кроме биения собственного сердца, продолжая колотить своего чуть более высокого противника, чьи удары быстро ослабевали, прежде чем мужчина, наконец, рухнул с хрипом, когда пульсирующий кулак Эрика в последний раз соединился с подбородком мудака.

"Где она, ты, ублюдок!? Где она?" Задыхающийся, измученный Эрик закричал, глядя вниз на избитого, стонущего мужчину, который теперь в страхе смотрел на Эрика, когда тот свернулся в клубок и сам с хрипом хватал ртом воздух.

"Чего бы ты ни хотел, просто возьми это, чувак! Просто, пожалуйста... не..." Глаза похитителя расширились, когда он поймал взгляд Эрика и заметил упавшую биту, которую Эрик только что забрал себе. Битой, которую Эрик развернул с задумчивым кивком.

“Это сойдет”, - тихо сказал себе Эрик, как только закончил отдышаться.

Избитый хищник быстро поднял руки. “Нет, пожалуйста, чувак, не надо... ты не можешь этого делать!”

Эрик пристально посмотрел на мужчину сверху вниз, его собственные окровавленные и покрытые синяками руки сжимали удобную рукоятку из орехового дерева оружия, на которое он претендовал. Его голос, когда он заговорил, был настолько мягким, насколько он мог это сделать, но по какой-то причине мудака у его ног все еще вздрагивал, подавляя всхлип.

“Вы, придурки, упомянули девушку с арбалетом.” Эрик проглотил ужасный комок в горле. Это была борьба просто за то, чтобы произнести эти слова, дать жизнь его собственным худшим страхам. “Где она?” - спросил я.

Глаза мужчины расширились от внезапной тревоги. “Эй, чувак, послушай, серьезно, чувак, мы не знали, что она что-то значит для тебя, ясно? Если бы мы знали, мы—

Его крик эхом разнесся по переулку, когда новая бита Эрика просвистела в воздухе, раздробив мужчине колено.

Взгляд ужаса, который визжащий человек послал в его сторону, ничего не значил, слова его наставника перекрывали яростные проклятия и отчаянные мольбы мудака, который поставил под угрозу единственного человека, на которого ему действительно было наплевать в этой извращенной постапокалиптической адской дыре.

“Грэпплер, сражающийся с земли, может подумать, что он ведет себя умно против боксера. Но он чертов дурак, если есть хоть какой-то шанс, что ты сможешь пустить в ход оружие. Но не бейте его по туловищу. Вы были бы удивлены тем, как быстро опытный мастер боевых искусств может сбить вас с ног и задушить, используя навыки, которым у меня никогда не было возможности вас научить. Вместо этого вы целитесь в ноги. Точно так же, как ты делаешь руки и запястья того, кто сражается с тобой саблей. Потому что, если ты сможешь убрать конечности, тело достаточно скоро последует за тобой”.

“Я задал тебе вопрос, я ожидаю гребаного ответа!” Эрик зарычал, свирепо глядя на мужчину, прежде чем сверкнуть жесткой улыбкой. “И не думай, что я настолько слеп к темноте, что не видел, как ты потянулся за Боуи, висящим в ножнах у тебя на бедре. А теперь, как насчет того, чтобы аккуратно и легко вытащить его двумя пальцами? Верно. Теперь отбрось это за спину. Хорошо.”

Умоляющие глаза работоторговца вспыхнули внезапным жаром. “Я мог бы выпотрошить тебя, как рыбу, тупой придурок, но я этого не сделал!”

Эрик кивнул. “Верно. Не потому, что ты чувствовал милосердие, а потому, что все, на чем ты мог сосредоточиться, - это мои кулаки, бьющие тебя по лицу и ребрам, когда я прижал тебя слишком близко, чтобы ты мог использовать свою гребаную битку. Которая теперь моя гребаная бита. Как насчет этого?”

Еще один урок, который он получил от своего наставника. Даже если его безумная атака на первую цель, полностью пронзившая врага насквозь, временно стоила ему оружия.

Это была не цель, это был человек! Я только что убил кое-кого!

Он отчаянно отогнал эту мысль. Сосредоточившись на том, что имело значение.

Единственное, что имело значение.

Его семья

Он бы вынес всю вину и бессонные ночи, которые, как он знал, его ожидают, если бы только мог спасти свою сестру, пообещал он себе, свирепо глядя на ублюдка, который поставил под угрозу жизнь его близнеца.

“Больше никаких гребаных уловок. Где она, черт возьми!?”

К большому ужасу Эрика, панический взгляд торговца мясом сказал ему все, что ему нужно было знать.

“О боже, черт возьми, клянусь, если бы мы знали, что она твоя...”

“Скажи это”.

Мужчина начал плакать. Хищник, который не думал об охоте на себе подобных, разразился отчаянными рыданиями у ног Эрика.

“Черт возьми, скажи это!”

“Мы отвезли ее в капсулу, чувак. Пожалуйста! Мы должны были! Если мы не выполним их квоту, они—

Хрясь!

Рыдающий Эрик упал на колени, когда его охватила дрожь после боя, задыхаясь от медного запаха крови, когда он делал неглубокие вдохи, крепко зажмурив глаза от жуткой сцены перед ним, крови и смерти, которые он вызвал, подавляя свое отчаяние.

Его сестру похитили, и это была полностью его вина.

И у него, черт возьми, точно не было времени терять, рыдая над работоторговцами, которые приговорили его сестру к ужасной смерти.

Он стряхнул с себя горе, на которое у него не было времени, подавляя позывы к рвоте, когда выдернул свое копьё из теперь уже безжизненного трупа перед собой. Он заставил себя позаботиться о своем оружии, протерев его куском ткани, чтобы убедиться, что древко не соскользнет в рукояти, отработанные движения помогли ему сосредоточиться и подготовиться к тому, что будет дальше.

Сначала он вытащил оба трупа из переулка, скрывающего так много секретов, прежде чем бросить их в соседний переулок и накрыть их обоим несколькими разбросанными кучами мусора, не сомневаясь, что дикие крысы размером с Питтбуля позаботятся о них достаточно скоро.

Затем он заявил о мерзких малиновых повязках, которые мужчины повязали себе на плечи, мгновенно поняв, что они означают, поскольку отчаянный план, который, как он знал, не имел ни малейшего шанса сработать, просочился в его переполненный ужасом мозг. План, который требовал, чтобы он проверил карманы обоих засранцев-работорговцев на случай, если там было что-то еще, что ему нужно, что он мог упустить из виду, одновременно охлажденный и оправданный, чтобы найти клочок пергамента, говорящий ему гораздо больше, чем он хотел знать об особенностях квот на мясо орков, подрядчиках и различных вознаграждениях за можно получить, загоня несчастных жертв в угол, чтобы они служили либо рабами, либо жертвоприношениями. Наконец, он нашел пару кожаных кошельков, в которых лежало небольшое состояние в серебряных орлиных монетах.

Кровавые деньги в самом буквальном смысле. И для работорговцев, и для того, кто их уничтожил.

Затем Эрик вышел из переулка и судорожно вдохнул гораздо более свежий воздух, когда ветер развевал его золотистые локоны, а шерстяная шапочка потерялась в потасовке. Он смотрел на яркие звезды, когда-то чуждые его миру, моргая от жгучей боли в глазах, как и прежде, направляясь в квартал города, который наполнял его ночи столькими кошмарами.

Кошмар, с которым ему предстояло столкнуться ради людей, которых он любил. Семью, которую он никогда не должен был подвергать опасности, приезжая сюда в первую очередь.

И если каким-то чудом он действительно сможет спасти своего близнеца из лагеря, полного орков...

Может быть, он снова смог бы жить с самим собой.

У него, конечно, было бы все время в мире, чтобы обдумать все, что он сделал неправильно, и крошечную горстку вещей, которые он сделал правильно этой ночью.

Потому что теперь на его совести двое мужчин, убитых горячей кровью... он не собирался спать в ближайшее время.

<http://tl.rulate.ru/book/83435/2668563>